7 2 0 8

1963 г.

1

Л. Жариков

Последняя ночь

Художник В. Тасюкевич

Мы жили в маленьком шахтёрском городке в Донбассе.

Шла гражданская война. Красная Армия дралась с белогвардейцами, и наш городок по нескольку раз в день переходил из рук в руки.

Но однажды наши отступили на Пастуховку, и мы целую неделю жили в ненавистном белогвардейском плену.

Мы с Васькой тоскливо смотрели туда, где жили красноармейцы, а с ними наш дядя Митя — красный комиссар.

Семь дней тянулись, как семь лет. Ребята с нашей улицы собрались на чердаке моего заброшенного дома и долго обсуждали, когда же вернётся Красная Армия. Не было с нами только нашего любимца и вожака Васьки.

Из чердачного окна я глядел на крышу Васькиной землянки, где я жил после гибели родителей, и думал о том, что Васька, наверное, вместе с отцом чинит для красноармейцев ботинки. Ночью Васька отнесёт их в сарай и засыплет углём.

Вспомнилось, как недавно из-за этих ботинок чуть не убили отца Васьки Анисима Ивановича. К нам пришли четверо белогвардейцев.

Офицер, по прозвищу фон Графф, сказал Васькиному отцу: „Приказываю сдать всю обувь для нужд белой армии“. — „Нет у меня обуви“, — ответил Анисим Иванович.

В это время со двора вошёл в землянку бородатый солдат. В руках он держал охапку починенных сапог и ботинок. —„Ваше благородие! В сарае нашли!“ — доложил он.

–„Тэк-с, – сказал фон Графф. – Врёшь, значит?“ И что есть силы ударил Анисима Ивановича плетью по лицу. –„Для кого обувь бережёшь?“ –„Себе, продавать“, – хмуро ответил Анисим Иванович.

— Завтра кожу принесут, на нас будешь работать. —
И, пригрозив плетью, офицер ушёл.

Вечерело, когда на чердак влез Васька. Илюха тотчас к нему с вопросом: „Вась, скажи — скоро беляков прогоним?“ — „Скоро. Будённая армия собирается“. — „А ты откуда знаешь?“ — удивился Илюха.

–„Знаю, – уверенно ответил Васька. – Деникина разобьём, тогда у нас такая жизнь будет, если рассказать...“
–„Расскажи, Вась! Правда, Вася, расскажи!“– хором попросили мы.

Чуть заметная светлая улыбка озарила лицо Васьки. Потом он начал негромко рассказывать:

– Тогда ни одного богача на свете не будет. Захочешь нарочно найти, и ни одного буржуя не сыщешь на всей земле... И воевать тогда люди не будут. В городах построят высокие дома, не такие, как сейчас, – лучше!.. На улицах будут расти абрикосы, вишни и разные тюльпаны. Даже в заводе будут расти деревья. Стой себе, работай и слушай, как возле тебя птицы поют... Вот какая жизнь придёт...

–„Вась, откуда ты всё узнал?“ – допытывался Илюха.
–„Сорока пролетела, мне рассказала, а тебе поклон передавала...“ Потом Васька глянул на меня украдкой и еле заметно подмигнул.

Мы спустились с чердака. — „Знаешь что? — радостно прошептал он, — комиссар дядя Митя у нас“.

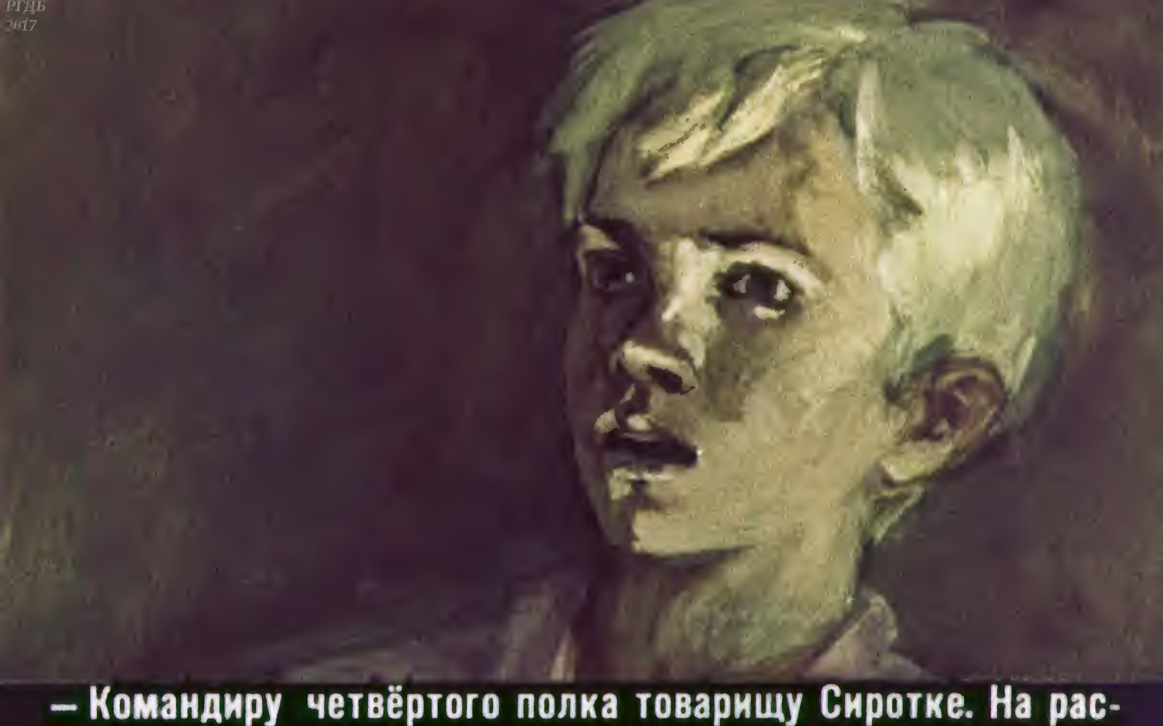
С волнением я распахнул дверь и... попятился: спиной к двери сидел лысый белогвардеец. – „Не бойся, – сказал Васька, – дядя Митя переоделся, чтобы его беляки не поймали“.

— Бронепоезд „Деникин“ выходит из ремонта, — говорил дядя Митя Анисиму Ивановичу, — а у них ещё два стоят наготове. Белые ударят с двух сторон, плохо придётся нашим. Мне никак не пройти через фронт, за мной слежка.

–„Да-а, в таком деле только мальчишка поможет“,–сказал Анисим Иванович. Дядя Митя спросил у Васьки: „Не забыл? Ну-ка, повтори!“

— Командиру четвёртого полка товарищу Сиротке. На рассвете кавалерийский полк белых при трёх бронепоездах пойдёт в наступление. Не дожидаясь, немедленно атакуйте. Передаёт комиссар Арсентьев.

Я вопросительно взглянул на Ваську, и мы вышли во двор. —„Это я приказ выучил, сегодня пойду в Пастуховку. Если хочешь, идём вместе. Нам дадут винтовки“. Я не знал, что ответить. Это было для меня неожиданностью.

–„И больше не придём, – продолжал Васька. – Нас запишут в красноармейцы, и мы отомстим белякам за всё. Они погубили твоего отца и моего сделали калекой. Ну, пойдёшь?“ – „Пойдём!“ – решительно сказал я.

Васька вернулся в землянку, а я подкрался к окошку. Дядя Митя надевал через голову Ваське нищенскую суму и наказывал: „Если поймают, говори: к тётке на рудник идёшь, милостыню в городе собирал“.

Я отошёл от окна и лёг в траву. Дядя Митя и Васька вышли во двор. Затаившись, я слушал их разговор.

– Видишь, какое дело, Васёк. При матери не хотелось говорить. Приказ этот... как бы тебе сказать... на смерть нужно решиться, но доставить. Иначе две тысячи людей наших погибнут. Так что, если прохода нет, беги.

– Не бойся, дядя Митя, я пройду, – ответил Вася.

– Прощай, сынок, смотри, берегись!

Я услышал звук поцелуя, и шаги дяди Мити стали удаляться.

Васька подошёл ко мне и сел рядом. Над степью стояла тишина. — „Пойдём, — сказал Васька. — Если задержат, говори: идём к тётке на рудник. А не поверят и станут бить — нехай бьют, молчи. Ты теперь должен быть, как...

...вот как этот камень. Он не боится, и ты не бойся. В тебя стреляют, а ты иди... Ну, не боишься?“ – „Нет“, – ответил я.

Было жутко идти во тьме. Лишь шуршала трава под ногами. Вдруг впереди что-то зашевелилось, и сиплый голос окликнул: „Стой! Кто идёт?“

Мы замерли. Я готов был бежать, но Васька крепко сжал мне руку.—„Кто такие? Пропуск!“ — грозно крикнул часовой. — „Это мы“, — ответил Васька. И тотчас в стороне послышались лёгкие торопливые шаги.

К нам подошёл офицер, и я похолодел от ужаса: это был фон Графф. – „Пацаны, ваше благородие“, – доложил часовой. – „Какие пацаны, откуда?“

– Мы к тёте Варе на рудник, – сказал Васька. – Она больная лежит. Мы ей милостыню собирали.

— „Куда идёте?“ — спросил фон Графф. — „Я же говорю — к тёте“. — „А вы знаете, что здесь позиция белой армии?“ — „Нет“. Солдат, обыскавший Ваську, доложил: „В сумке макуха, ваше благородие“.

Вдруг что-то щёлкнуло и яркий свет ослепил меня. — „Тэк-с, — проговорил офицер, присматриваясь к Ваське. — К тёте на рудник, значит?“ Он схватил Ваську и крикнул солдату: „Держи другого!“

Неожиданно Васька подпрыгнул и ударил головой в живот офицеру. Тот упал. — „Тикай!“ — крикнул Васька и кинулся в темноту.

Я бежал. За спиной хлопали выстрелы. Впереди мелькнула речка, и я с разбегу провалился в воду.

– Лёнька, где ты? – услышал я знакомый голос, – и невидимая рука вытащила меня из воды. – Пригнись, – сказал Васька. Я пригнулся.

— Теперь идём, приказ надо передать. Идём скорее, — торопил Васька.

Вдруг позади раздался выстрел. Васька нагнулся, будто к спине ему приложили раскалённое железо. Он пошатнулся и упал прямо на меня.

Васька лежал вниз лицом, потом повернулся ко мне – „Ты думаешь, я не встану?“ – неожиданно спросил он с обидой и злостью в голосе.

Васька с трудом поднялся: „Идём, не бойся. У меня только в спине болит. Я буду за тебя держаться. Надо приказ передать, а то наших побьют“.

Он сделал шаг вперёд, но поскользнулся и упал, повалив и меня.

Васька долго лежал молча. Казалось, он о чём-то думал. Вдруг он тихо спросил: „Ты думаешь, я помру?“ И повторил громко и тяжело: „Думаешь помру, да?“

Со страшным напряжением, опершись одной рукой на меня, он снова встал, сделал два решительных шага и рухнул, как подкошенный. Я наклонился к его лицу. Васька не дышал.

И тогда я понял, что Васька умер, что я остался один на этом кургане, в этой тёмной степи, во всём мире...

Я вскочил и, плача и спотыкаясь, побежал к Пастуховскому руднику.

На руднике красноармейцы привели меня к командиру. Я рассказал ему обо всём. Командир попросил повторить приказ дяди Мити, и я повторил, что запомнил.

Когда командир услыхал приказ дяди Мити, он отдал команду: „По коням!“ Тысячи всадников лавиной помчались к городу, занятому врагом.

Так умер Васька, мой суровый и нежный друг, и последняя ночь его жизни была последней ночью моего детства.

С той страшной ночи я стал бойцом будённовского эскадрона. И покатил по дорогам войны. И где бы ни был я потом — в трудных переходах или в жестоких боях, — я всегда помнил слова моего друга: „Ты ничего не бойся. В тебя стреляют, а ты иди!“

КОНЕЦ

Редактор Е. КАВТИАШВИЛИ
Художественный редактор А. МОРОЗОВ

Д-117-58

Производство студии „Диафильм", 1958 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7